

КРЕАТИВНЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ Г. Д. ГУРВИЧА

Рецензия на книгу: Le Goff Jacques. Georges Gurvitch:

Le pluralisme createur. Paris: Michalon, 2012. 126 p.

В настоящей работе суммируются основные положения книги современного французского правоведа Жака Ле Гоффа, посвященной исследованию социолого-правовой концепции Г. Д. Гурвича. Профессор Ле Гофф в контексте теоретических проблем французского трудового права пытается сформулировать новый методологический подход к изучению права. В рамках этого подхода профессор Ле Гофф полагает необходимым отказаться как от юридического анархизма, отрицающего организаторскую функцию социальных институтов, так и от этатистского позитивизма, в рамках которого право мыслится исходящим прежде всего от государства. Эту методологию профессор Ле Гофф находит в работах русско-французского мыслителя XX в. Г. Д. Гурвича, известного своей концепцией социального права. Представления Гурвича о праве как о форме институционализации межличностного и межгруппового взаимодействия вполне могут служить методологическим основанием для объяснения процессов право genesis, которые в современном французском трудовом праве протекают в немалой степени без вмешательства государства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социальное право, Г. Д. Гурвич, неофициальное нормотворчество, локальные нормативно-правовые акты, трудовые отношения, профсоюзы, правовой плюрализм.

CREATIVE PLURALISM OF GEORGES GURVITCH. REVIEW OF THE BOOK: LE GOFF JASQUES. GEORGES GURVITCH: LE PLURALISME CREATEUR. PARIS: MICHALON, 2012. 126 P.

This paper summarizes the principal ideas of a book by the contemporary French legal scholar Jacques Le Goff. This book is dedicated to the analysis of Georges Gurvitch's sociological conception of law. In the light of theoretical problems of the French labor law Professor Le Goff tries to outline a new methodological approach to law. According to Professor Le Goff, one needs to abandon both anarchist ideas rejecting the organizing function of the social institutes, and the etatist legal positivism which conceives law as primarily emanating from the state. Appropriate methodological tools for a correct analysis of law Professor Le Goff finds in the works of the French-Russian thinker of the 20th century Georges Gurvitch who became famous for his conception of social law. Gurvitch treated law as a form of institutionalization of social communication between individuals and groups. This approach can serve as a conceptual foundation to explain the lawmaking processes in the modern French labor law where law to a certain extent is created without intervention of the state.

KEYWORDS: social law, Georges Gurvitch, unofficial lawmaking, local normative acts, labor relations, trade unions, legal pluralism.

Автор рассматриваемой книги — профессор Бретанского университета (Брест, Франция) Жак Ле Гофф — известный исследователь истории и теории трудового права во Франции.¹ Обращение к творчеству Г. Д. Гурвича для этого теоретика трудового права отнюдь не случайно, ведь именно в идеях Гурвича о социальном праве, нормативных фактах, юридическом опыте Ж. Ле Гофф находит близкие теоретическим проблемам современного трудового права аспекты, связанные с описанием и объяснением процессов неофициального правогенеза в социальных союзах. Эти процессы, по учению Гурвича, протекают частично в спонтанном автономном действии человеческих групп и коллективов, частично в рамках гетерогенных порядков (таких как правовой порядок государства).² Замысел Ж. Ле Гоффа заключается в перенесении методологии гурвичевской социологии права на исследование локального нормативно-правового регулирования трудовых отношений, правотворческой деятельности объединений работодателей, профсоюзов и других негосударственных организаций. Автор солидаризируется с воззрениями Гурвича на автономный социальный порядок, способный если не конкурировать, то, по меньшей мере, существовать автономно от государственного правового регулирования. Такие порядки создают «естественный» социальный противовес юридическому всемогуществу государства, централизованному планированию, против которого резко выступал Гурвич (хотя Ж. Ле Гофф и не столь бескомпромиссен, как Г. Д. Гурвич, при определении степеней взаимной независимости общества и государства). С одной стороны, Ж. Ле Гофф не обольщается и противоположной крайностью — неолиберальными моделями общества как свободного рынка, где царствуют конкуренция и индивидуальная свобода, а право предполагается спонтанно создаваемым в результате свободной игры социальных и экономических сил (Ф. Хайек и др.). Как считает французский правовед, признание и утверждение автономии коллективов и групп как авторов «своего» социального права не означает разрыва идеи права с идеей справедливости, обнаружению которой служит юридический опыт на индивидуальном и коллективном уровнях, и с институциональными структурами общества. С другой стороны, «умеренный» правовой плюрализм Гурвича симпатичен автору гораздо больше, чем плюрализм в истолковании радикальных представителей современных представителей неолиберализма и движения «право и общество»: акцентировав юридическую креативность коллективных субъектов, Гурвич признает и исследует как роль индивидуальности, так и значение социальных институтов, прежде всего государства, в процессах правогенеза. В этом смысле Ж. Ле Гофф подчеркивает, что спонтанное право в социологии права Г. Д. Гурвича есть лишь одна из разновидностей социального права, которой не исчерпывается вся палитра негосударственного правотворчества в обществе.

Именно подобный подход, по мнению Ж. Ле Гоффа, позволяет распознать и объяснить процессы, протекающие в современном трудовом праве, связанные с развитием локального правового регулирования, правотворческими функциями профсоюзов и иных объединений работников, институтами рабочего контроля и другими явлениями современной юридической жизни Франции, которые не находят своего объяснения ни в традиционной правовой догматике (экзегетике), ни в новомодных уче-

¹ Не путать с французским историком-медиевистом Жаком Ле Гоффом, автором «Цивилизация средневекового Запада», «Интеллектуалы в Средние века» и других работ по истории европейского Средневековья.

² Гурвич Г. Д. Философия и социология права: Избр. соч. СПб., 2004.

ниях об окончании эры государства в правотворчестве (с. 13 и далее). При этом автор выявляет определенное созвучие между социальными проблемами той эпохи глобального экономического кризиса (начало 30-х годов XX века), когда Гурвич формулировал свои идеи о социальном праве, и современностью, которая также имеет дело с глобальным кризисом и стоит перед необходимостью поиска нетривиальных, новаторских решений накопившихся проблем правового регулирования.

Во введении под интригующим названием «Воинственный дух» (с. 9–18) Ж. Ле Гофф вкратце описывает интеллектуальный путь Гурвича, подчеркивая экзистенциальную важность «русского опыта» этого мыслителя, роль его революционных идеалов в формировании последующей философско-правовой концепции. Гурвич выстраивает многоуровневую модель правовой действительности, концептуальной основой которой является его убежденность в способности общества к саморегулированию. При этом саморегулирование, по мысли Гурвича, проходит не через формирование «мирного порядка социальных союзов» (О. Эрлих), а через перманентное социальное творчество и инноваторство, которые спонтанно порождают и конфликты, и способы разрешения этих конфликтов. Поэтому идея социального творчества, креативности кажется Ж. Ле Гоффу центральной для объяснения истоков и эволюции мысли Гурвича. Но спонтанность органичена существующими социальными институтами, структурами взаимодействия, сложившимися культурными практиками, поэтому процессы правогенеза нуждаются в углубленном социологическом исследовании и не могут найти своего объяснения на уровне метафизического резонанса о свободе как основе социального бытия.

В следующей главе «Онтологический плюрализм» (с. 19–35) автор переходит к детальному анализу научной программы Гурвича, поставившего себе целью разрушение традиционной социологической и юридической терминологии, направленной на описание общества и права как преимущественно статичных элементов. Гурвич также описывает структуру, уровни социальной реальности, но через динамические характеристики, отражающие относительность, подвижность такой структуры, внутреннюю конфликтность общества (как удачно отмечает Ж. Ле Гофф, эта внутренняя конфликтность являлась характерной чертой личности самого Гурвича).

Гурвич пытается разработать междисциплинарный подход к изучению права и общества, комбинируя различные теории скорее не для того, чтобы объяснить социальные и правовые явления, а для того, чтобы схватить, описать эти явления в процессе их постоянного движения и изменения и, в конечном итоге, доказать невозможность формирования статичной картины социальной жизни. Такой проект Ж. Ле Гофф характеризует как попытку синтеза методологического и онтологического плюрализма (с. 22–25), особенно акцентируя креативную роль социального конфликта в структурировании общества, преемственность идей Гурвича и современных теоретиков социального и правового плюрализма. Вместе с тем социальная реальность предстает в концепции Гурвича не просто как множество разнонаправленных конфликтов, как в философии марксизма (к которой, впрочем, Гурвич питал симпатии на протяжении всего своего интеллектуального пути), — вслед за М. Моссом Гурвич говорит о «тотальности» общественных связей и институтов, об их онтологическом единстве.

На этом кажущемся противоречии между плюрализмом и представлением о тотальности социальных явлений Ж. Ле Гофф останавливается специально, чтобы показать его мнимый характер. Это противоречие снимается через особую трактовку нормативных фактов. Как доказывает автор,

в социолого-правовом учении Гурвича эти факты представляют собой диалектическое единство внутренней разнонаправленной энергии социальных процессов и упорядочивающего воздействия социальных ценностей, структур, институтов, иными словами, единство инновации и традиции, вокруг которых стабилизируются, кристаллизуются эти процессы (с. 27–30). В этом смысле правовая жизнь «дисконтинуальна», ей чужда предопределенность. Как показывает Ж. Ле Гофф, этот «анархический» тезис в теории Гурвича вполне уживается с признанием организующей, структурирующей роли права — непредсказуемость социальных процессов не означает их неуправляемости, если управляемость понимать как подчинение этих процессов не воле отдельных лиц или классов, а внутренним духовным тенденциям, символам, знакам, ценностям, вырабатываемым и кристаллизуемым в коллективном юридическом опыте (с. 29–35).

В следующей главе «Правовой плюрализм» (с. 37–84) Ж. Ле Гофф анализирует практические выводы для сферы права из вышеописанных методологических посылок. Беря близкую для себя тему истории трудового права, автор показывает практическую значимость идей Гурвича для объяснения некоторых фактов из истории французского права конца XIX — начала XX в. Такие институты, как коллективный договор, профсоюзы, социально-трудовое партнерство, рабочее представительство в органах власти возникли как самореферентные процессы, спонтанность и непредсказуемость траектории развития которых никоим образом не исключали правового характера этих процессов до признания их государством, до интеграции соответствующих социально-правовых норм в право государства. Институционализация этих явлений в государственном правопорядке была признанием уже имеющих фактов, с которыми этот правопорядок не мог не мириться и которых не мог не принимать во внимание. Это именно те явления правовой жизни, которые в начале XX в. поставили в тупик традиционную экзегетическую догматику права, неспособную объяснить правовые явления вне связи с законодательством или хотя бы с судебной практикой. Ж. Ле Гофф подчеркивает то обстоятельство, что эти и другие подобные проблемы трудового, корпоративного, государственного, международного права активно обсуждались во французской правовой науке в конце 20-х — начале 30-х годов, когда Гурвич начал обосновываться во Франции. В этом аспекте его «Идея социального права» (две диссертации 1931 и 1932 гг.) была не абстрактным теоретизированием о праве, а попыткой ответить на актуальные практические вопросы правоведения того места и времени.

Развиваемая Гурвичем концепция социального права как духовной и институциональной данности, предшествующей государственно-правовому регулированию, опиралась на три методологических принципа — интеграцию, трансперсонализм и плюрализм. Эти принципы, по мнению Ж. Ле Гоффа, выгодно отличают Гурвича от других теоретиков социологического подхода к праву того времени (Ф. Жени, О. Эрлих, Г. Канторович, Р. Паунд), которые противопоставляли живое, свободное «право в действии» создаваемому государством безжизненному, несвободному «праву в книгах». В то же самое время Гурвич избегает дюркгеймовской традиции превеличения роли социальной солидарности по отношению к индивидуальной свободе, что характерно для всей французской институциональной теории права начала XX в. (Л. Дюги, М. Ориу, Ж. Салейль). Рисуемый Гурвичем образ права, как уверен автор, позволяет включить в «право» разнообразные, кажущиеся разнородными явления (поведенческие стереотипы, фактический обычай, правовые ценности, социальные конвенции и правила, государственные нормы и предписания, коллективные

и индивидуальные переживания и др.). Чтобы, с одной стороны, избежать путаницы и смешения понятий и, с другой стороны, искусственно не упрощать сложную правовую действительность, Гурвич предлагает детальную классификацию видов и форм права, важность которой для понимания гурвичевской социологии права Ле Гофф особенно подчеркивает (с. 42–46). Одним из базовых делений данной классификации является выделение форм социальности, среди которых особую роль играет «всеединство» — в интерпретации Гурвича, это баланс между индивидуальным и социальным правом, между ценностями отдельной личности и коллектива, понимаемый в духе концепций всеединства и соборности русской религиозной философии Серебряного века (с. 49).

Ключевым элементом правового учения Гурвича Ле Гофф считает концепцию нормативного факта, заимствованную у Л. И. Петражицкого и переформулированную в духе философии права М. Ориу. Автор удачно перефразирует основную идею Гурвича: «Нормативный факт есть место, где грубая социальность облагораживается справедливостью как основным источником права» (с. 55). Иными словами, нормативный факт означает особое социально-психологическое состояние, «интегральный опыт непосредственного восприятия справедливости». Это фактическое состояние само по себе, вне зависимости от его институционализации, образует первичный источник правового регулирования, который потом может быть подчинен контролю государства или иных социальных союзов либо же может остаться без контроля какого-либо союза/организации.

Данное положение дел, если воспользоваться более поздними идеями лумановской социологии права, есть базовый код «права», который отличает это социально-психологическое состояние от бинарного ему состояния «неправа», где фактическое социальное принуждение не характеризуется через отсылку к социально обоснованной ценности справедливости либо же характеризуется негативно (как несправедливость). Если Гурвич утверждает, что право всегда в той или иной степени является справедливым, понимая справедливость как относительную ценность, зависящую от представлений и коллективных интуиций той или иной эпохи, культуры, ментальности, то такое понимание противоположности право/неправо совсем не означает юснатуралистического тезиса о том, что право должно быть морально оправданно. Речь идет скорее о поиске в коллективных интуициях, «интегральном юридическом опыте» базовых критериев права — наподобие тех правил признания, о которых позже рассуждал Лон Фуллер (с. 63–67). Нормативный факт в теории Гурвича задает социальным связям одновременно некую динамику, структуру и пределы (с. 67–77). Автор приводит в качестве примера профсоюзное движение во Франции, «история которого представляет собой историю взаимодействия социальной трансформации (возникновения индустриального общества), ощущения ценностного дисбаланса, осознания растущей коллективной силы и стремления к справедливому обществу» (с. 71). Закон 1884 г. о признании профессиональных союзов и ассоциаций не создал эти нормативные факты, а «лишь завершил процесс их спонтанного создания, кристаллизованный в норме, согласно которой они изначально существовали» (с. 71).

Ж. Ле Гофф особо указывает на созвучность представлений Гурвича о кристаллизации в социальной практике «идеи-действия» через нормативные факты тем исследованиям процессов объективации и инкорпорации в социальную действительность ценностей, которые велись позднее, в 60–80-е годы XX в., М. Мерло-Понти и П. Рикёром (с. 76–77). Также отмечается определенная созвучность концепции Гурвича идеям

неотомизма (с. 77). Важным представляется автору и особое понимание роли судьи в юрисдикционном определении коллективных ценностей и в конструировании нормативных фактов. В этом аспекте Ж. Ле Гофф проводит параллель между социолого-правовой концепцией Гурвича и теориями сторонников «свободного права», идеями американских представителей социологической юриспруденции и правового реализма (с. 78–82). Если для последних право, в конечном итоге, зависит от усмотрения судьи, то для Гурвича правотворческая власть судей (относительную свободу судебного усмотрения он не отрицает) ограничена объективным характером социального права, коллективным характером актов распознавания права и обязанностью судей «привести убедительную аргументацию в аспекте практической рациональности» для обоснования своих решений (с. 82). В данной перспективе автор подчеркивает идейное сходство научных проектов Гурвича и Х. Перельмана (с. 82).

В заключение этой главы Ж. Ле Гофф изучает рецепцию идей Гурвича во французском теоретическом правоведении. Признавая факт влияния этого мыслителя на развитие представлений о праве (особенно у таких франкоязычных теоретиков права, как Андре-Жан Арно, Франсуа Ост, Мишель ван де Керков), Ж. Ле Гофф считает рецепцию неудавшейся, приводя тому несколько причин (с. 82–84). Среди этих причин враждебность Гурвича экзегетике и формализму, господствовавшим в то время на юридических факультетах, сложность и туманность языка произведений Гурвича, его «прудонистское» отрицание ведущей роли государства в правотворчестве. В то же время поднятые на страницах гурвичевских работ проблемы оказались весьма созвучными тем вопросам и вызовам, с которыми столкнулась французская наука о праве в 80-е годы XX в. и позднее. Этим, по мнению автора, и объясняется «возврат в философию права» (с. 83) данного мыслителя, выступавшего против фиксации юридического дискурса исключительно в границах нормативности, предложившего оригинальную³ методику исследования процессов правогенеза и правоприменения в аспекте реализации коллективных интуиций справедливости (с. 83–84).

В третьей главе «Политический плюрализм» (с. 85–111) автор анализирует политический контекст творчества Гурвича: те политические факты и события, которые повлияли на формирование взглядов этого русско-французского мыслителя, те социальные идеалы, которыми он руководствовался, тот образ демократии, который он обосновывал на страницах своих работ. С одной стороны, Гурвич выступает против тоталитаризма и авторитаризма в любых их проявлениях, с другой стороны, он критикует методологический индивидуализм классического либерализма и антигосударственные установки неолиберализма.⁴ Ж. Ле Гофф находит весьма интересным тот срединный путь, которым Гурвич пытается миновать сциллу этатизма и харибду анархизма. Автор указывает, что ответ на вопрос о правильной политической форме общества Гурвич ищет в перспективе ограничения суверенитета государства как во внутреннем, так

³ Оригинальность заключается не в самой постановке вопроса, а в гиперэмпирическом методе, предложенном Гурвичем для анализа этой исконно метафизической проблематики.

⁴ Как отмечает Ж. Ле Гофф, предлагаемое неолибералами «преобразование этатизма в своего рода интегральный социетизм равнозначно возврату к монистической модели, основанной на непогрешимости и на обожествлении социального — такая модель ничуть не менее опасна, чем гоббсовский пессимизм и легитимация Гоббсом позитивистского гиперволютаризма» (с. 90).

и во внешнем аспекте. В отличие от схожих идей солидаристов (Л. Дюги, Ж. Салейль) Гурвич не отрицает суверенитета за государством и говорит не о разрушении суверенитета, а о его преобразовании. Русско-французский мыслитель признает за государством только политический суверенитет — независимость от других социальных групп в вопросах формирования политической структуры общества, но во всех других аспектах (экономика, правотворчество, идеология и др.) государство есть лишь один из социальных союзов, «управляющий коллективными делами» (с. 93). Такое ограничение власти и значения государства в жизни общества является истинным залогом демократии, которая означает свободное развитие социальных сил и тенденций, включая свободу социальных союзов в создании своих систем правового регулирования, которые сосуществуют, конкурируют с государственным правопорядком. Через конфликт различных правопорядков и образуется социальный порядок, который отражает перманентное равновесие социальных сил.

Автор считает, что такая позиция Гурвича чревата опасностью для развития общества, поскольку ученый гипертрофирует роль конфликта в общественной жизни, безосновательно надеется на разрешаемость всех конфликтов за счет механизмов социальной саморегуляции; гурвичевская позиция препятствует активной роли государства в разрешении социальных противоречий, в том числе и в области защиты труда. Гурвич ставит государство наравне с другими общественными группами и союзами, выступая против любых попыток государственного интервенционализма в развитие общества; тем самым, по мысли Ж. Ле Гоффа, русско-французский ученый на некоторых участках своей теории приходит к противопоставлению государства и общества в аспекте преследуемых ими задач (сам автор считает, что эти задачи нужно рассматривать в аспекте «синергичной комплементарности» (с. 96)). Гурвич, как считает автор, был неправ, ассоциируя развитие государственности с ростом интервенционализма и технократизма — последующее развитие показало многовариантность развития современного государства (с. 98–100).⁵ Скептически Ж. Ле Гофф относится и к идеям Гурвича о федералистской собственности, т. е. о передаче собственности на средства производства социальным коллективам, считая эти идеи нереалистичными и опасными для индивидуальной и коллективной свободы (с. 101–105). Давая окончательную характеристику политическим воззрениям Гурвича, автор заключает: «По сути, Гурвич чувствует себя некомфортно в вопросе о государстве» (с. 106), а высказанные русско-французским мыслителем в «Декларации социальных прав» антиэтатистские идеи Ж. Ле Гофф аттестует как «патетические» (с. 110) по причине невозможности оторвать субъективное право от его носителя-индивида и конструировать некие социальные права, противопоставляемые правам индивидуальным.

В заключении, носящем название «Искушение аполитичностью» (с. 113–119), Ж. Ле Гофф еще раз обращает внимание на некоторую непоследовательность отношения русско-французского мыслителя к государству, на то, что идеи Гурвича по целому ряду причин не получили широкого распространения в социальных науках во Франции и что «за это частично

⁵ В качестве примера Ж. Ле Гофф приводит принятые в 1982 г. во Франции законы Ору (*lois d'Auroix*), которые вводили широкое самоуправление на предприятиях, включая самоуправление рабочих коллективов, коллективные переговоры, институт рабочего представительства и другие демократические институты, тем самым реализовывая многие из тех чаяний, о которых Гурвич писал на страницах своих произведений.

несет ответственность сам Гурвич» (с. 113). Помимо перечисленных выше факторов неудавшейся рецепции, автор называет также сложность и искусственность предлагаемых Гурвичем классификаций, неоправданную конфронтацию с ведущими французскими социологами, принципиальное неприятие новых эмпирических методов в социологии, повторяемость основных тем в творчестве этого мыслителя. Но стоит ли сегодня перечитывать Гурвича? Автор отвечает на этот вопрос утвердительно, потому что идеи Гурвича «оказываются в центре современных дебатов о поиске новой точки равновесия между индивидом и обществом, между социумом и политикой, между представительной и прямой демократией, между демократией и «контрдемократией», между рыночной экономикой и солидаристской экономикой» (с. 116). И в этом аспекте идеи Гурвича во многом предвосхищают дискуссии, которые ведут Ю. Хабермас, Э. Гидденс и другие значимые социальные философы современности, давая богатый аналитический материал для лучшего осмысления подтекста этих дискуссий.

Антонов Михаил Валерьевич,
к. ю. н., доцент кафедры теории и истории
права и государства юридического факультета
НИУ «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)

© М. В. Антонов, 2013
E-mail: mich.antonov@gmail.com